

УДК 141.132 : 141.32

Н.Е. Доний

ДЕВИТАЛИЗАЦИЯ КАК ЭПИФЕНОМЕН ОБЩЕСТВА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Разрастание институций массовой культуры в повседневной жизни общества явилось одним из основных последствий переживаемого постсоветскими странами периода кардинальных социокультурных изменений. Именно в рамках указанного процесса автором статьи анализируется эпифеномен девитализации как определенный спектр социальных патологий, несущих опустошительные последствия для общества.

Ключевые слова: девитализация, массовая культура, масса, идентичность, жизненная энергия.

Разрастание места массовой культуры в повседневной жизни общества явилось одним из основных последствий переживаемого постсоветскими странами периода кардинальных социокультурных изменений. Хотя научный интерес к феномену массовой культуры возник довольно давно, современный этап развития гуманитаристики в России представлен огромным блоком новейших исследований теории и практики «массовой культуры».

Большинство современных российских авторов рассматривают ее как особый социокультурный феномен, с характерными исключительно для нее тенденциями развития, в частности процессом *девитализации* – снижением жизненного тонаса культуры. Какое же место занимает девитализация в структуре массовой культуры, наряду с другими ее мировоззренческими, зрелищно-эстетическими, гедонистическими аспектами? Рассмотрим эту проблему в контексте российского философско-культурологического дискурса.

Первые попытки систематизации концепций массовой культуры в России относятся к последней четверти XX в. Анализируя историю изучения массовой культуры в философско-культурологическом дискурсе России, можно уверенно сказать, что соответствующие исследования конца XX – начала XXI в. представляют вторую волну научного интереса к масскульту. «Философия массовой культуры» фактически была детерминирована падением СССР, повлекшим за собой, в частности, нивелирование большинства нравственных «табу», особенно в сфере витальности и секса. Мощное влияние западной системы ценностей в СМИ, Интернете, искусстве и литературе, в различных формах шоу-бизнеса и развлекательной культуры предельно актуализирует изучение массовой культуры.

Первая волна изучения массовой культуры относится к советскому периоду (а конкретнее – к 60-м – началу 90-х гг. XX в.). Основная отличительная черта этой волны – заранее определенная традиция исследования, как правило, без учета динамики процесса и с позиции бинарного аксиологического противопоставления ценность/антиценность, эстетика/антиэстетика, буржуазная (национальная)/социалистическая (интернациональная) культура. Такой поход был детерминирован историческими особенностями зарождения

и разрастания масскульта (в период своего зарождения массовая культура не могла оказать существенного негативного воздействия на советское общество по причине отсутствия в СССР хорошо технически развитых механизмов распространения и эстетического воздействия). В этот период массовая культура в основном рассматривается исключительно как аценностная псевдокультура (работы О. Кукаркина, О. Мигунова, С. Можнягуна и др.).

Одним из позитивных моментов первой волны изучения массовой культуры с позиций современной философии и культурологии является обращение к конкретно-историческому анализу массовой культуры. Стартом к началу российских реконструкций ее генезиса принято считать исследования Н. Зоркой во второй половине 70-х гг. XX века. Неангажированность подачи информации как поставленная исследовательницей научная задача была почти полностью выполнена [1]. Н. Зоркая доказала: художественная жизнь общества представляет собой многогранный, противоречивый, сложно структурированный процесс, в котором существенное место принадлежит массовой культуре. Кроме того, автору удалось в раннем масскульте России обнаружить ряд проблем, с которыми столкнулась мировая культура в XX в., – антропологические последствия научно-технологических и коммуникативных переворотов, проблемы трансформации технических изобретений в новые виды искусства, художественные проблемы массовой коммуникации и т.п.

Важным событием в реконструкции процесса становления массовой культуры в России стала книга А. Рейтблата «От Бовы к Бальмонту. Очерки истории чтения в России второй половины XIX века», изданная впервые в 1992 г. и переизданная в 2009 г. [2]. Посвященная истории чтения и читательских вкусов книга включала теоретически значимые выводы о сущности культурных феноменов, которые больше относятся в категории «популярных».

В 1993 г. в Государственном институте искусствознания Министерства культуры РФ (г. Москва) была создана проблемная группа по теории и истории развлекательной культуры во главе с Н. Хреновым. В течение десяти лет коллективом авторов была проведена большая исследовательская работа, опубликованы сборники статей и монографии по заявленной тематике.

Кардинальные социокультурные изменения в постсоветской России актуализировали проблематику массовой культуры и пограничных с нею проблем, породив вторую волну исследований. Новая волна была связана с качественно иной ситуацией: «массовая культура», являясь естественной средой обитания современного человека, трансформировалась в «популярную» и стала выполнять ряд жизненно важных социокультурных функций. В рамках второй волны произошло восстановление преемственности с ранними советскими исследованиями массовой культуры, массовых вкусов и потребностей.

Знаковыми для начала второй волны российских исследований по массовой культуре стали проведение в декабре 2001 г. в Санкт-Петербурге круглого стола «Российская массовая культура конца XX века» [3] и публикация монографии «Массовая культура и массовое искусство. “За” и “против”» [4]. Последняя выступила, фактически, компедиумом масскульта, сконцентрировав содержательную информацию обо всей палитре подходов, интерпретаций, методологий анализа, связанных с выявлением, изучением и оценкой феномена под названием «массовая культура».

В конце XX – начале XXI в. научные изыскания в рамках феноменологического анализа массовой культуры были продолжены в трудах ряда российских ученых: К. Разлогова [5], Е. Соколова [6], Е. Шапинской [7] и др. В течение первого десятилетия XXI в. по проблематике массовой культуры были защищены докторские диссертации О. Биричевской [8], А. Костиной [9], В. Лебедевой [10], Н. Суворовым [11]. В рамках определения географии защищенных диссертаций по массовой культуре можно сказать, что в современной России сформировалось два основных центра, в научные интересы которых входят исследования масскульта. Во-первых, это Санкт-Петербург, а, во-вторых, Южный федеральный округ, а конкретно г. Ростов-на-Дону (напр., [12]).

Уже можно констатировать, что интерес российских ученых к «философии масскульта» в последние годы огромен и представлен работами К. Акопяна, А. Вартанова, В. Васильева, М. Галина, И. Головачева, А. Гофмана, А. Гудкова, В. Жидкова, А. Захарова, С. Кагарлицкой, Н. Киященко, М. Кузнецова, Н. Маньковской, Л. Одинокова, Н. Руднева, В. Самохвалова, Т. Семенова, К. Теплица, А. Шейко и др.

Изучению современных проявлений массовой культуры в условиях глобализации и их влияния на формирование новых тенденций в отечественной социокультурной практике посвящены работы А. Ахизера, А. Неклесса, А. Панарина и др. Большой интерес представляет исследование А. Костиной «Массовая культура как феномен постиндустриального общества» [14], в котором детально рассматривается генезис массовой культуры, взаимодействие массовой, элитарной и народной культуры в постиндустриальном обществе, отмечена неразрывная связь массовой культуры с новейшими коммуникационными технологиями.

Существенный интерес для исследователей масскульта представляют работы, анализирующие отдельные стороны воздействия СМИ. Так, взаимодействие нравственности, языка и СМИ в современной массовой культуре рассмотрено В. Гараджа, А. Кураевым, Л. Поповым и др. Особое место занимают исследования, раскрывающие основные приемы манипулирования и формирования культуры «человека-массы» средствами массовой коммуникации (С. Кара-Мурза, Г. Почепцов и др.).

Общей чертой практически всех вышеперечисленных российских исследований масскульта является констатация факта невозможности существования данного вида культуры без ее носителя и потребителя – массы. Также исследователи масскульта едины во мнении, что в условиях современного российского общества количественные критерии определения массы уступили качественным характеристикам при формировании «человека-массы» (хотя на данной особенности массы настаивал еще Х. Ортега-и-Гассет, но явно это прозвучало в России лишь после распада Советского Союза).

Доступность, понятность и низкий уровень смыслового травматизма и риска артефактов как стержень философии масскульта провоцируют редукцию осмысления сложного материала в однообразное толкование. В искусстве и эстетике это создает артефакты и их толкование, отрицающие как авторитарную фигуру автора эталонного творчества, так и столь же вынужденный «хор» комментаторов и интерпретаторов. Как результат, масскульт

избавляет человека от расшифровки витальных сложностей жизни, трудностей формирования смысловжизненной идентичности, приучая к мысли, не требующей усилий: сложное – это неважно и даже вредно. Усредненный «человек-масса», заявивший о себе в конце XX в., не озабочен поиском экзистенциальных проблем существования и идентичности. Кроме того, не имея ярко выраженных жизненных талантов и качеств, он практически утратил витальную способность быть собственным источником самоорганизации и саморегуляции. Под воздействие антижизненной энергетики, в контурах постоянной обращенности сознания к смерти, тиражированной в масскульте, «человек-масса» убивает свой живой, многокрасочный «селф» и выступает носителем акультурной практики всеразрушения, декомпозиции и дезорганизации.

Все чаще в российской науке звучат голоса, поддерживающие точку зрения, озвученную А. Костиной, что масскульт является типом «взаимодействия со средой ... где основной функцией личности становится не активное воздействие на среду, а приспособление к ее особенностям» [14. С. 54], который трансформирует витальную направленность личности с внутренне на внешне ориентированную. При появлении сложных жизненных ситуаций, угрожающих экзистенциальными трудностями, пребывание в состоянии ожидания простоты существования детерминирует хорошо известный эскапизм как желание ухода, «бегства» от окружающей реальности, стрессов, ограничений и т.д.

Более того, эмпирический и социологический анализ подтверждает догадки культурологов – массовая культура, представляя собой формообразование, появившееся в абсолютно новых социальных условиях XX в., является жизнеотрицающей, девитализующей стратегией, благоприятствующей уходу от действительности в мир утешительных иллюзий и фантазий. Так, В. Шестаков уверен, что именно благодаря эскапизму массовая культура компенсирует недостатки реального мира, а человек ищет в ней развлечения, а не образование [15].

Кроме того, ряд ученых абсолютно ответственно отмечают масштабность распространения практики эскапизма и одиночества в рамках российской реальности общества масскульта. Например, исследование О. Биричевской, несмотря на его четко выраженный сравнительный характер массовой культуры России и Японии через сконцентрированность на вопросах массовой литературы, сводится к позиции: массовая культура – это проблема в первую очередь социальная, так как формируется на стыке экономики, политики, искусства, социальных технологий и морали. О. Биричевская говорит о том, что массовое общество как носитель массовой культуры является детерминантой социальной и нравственной атомизации личности, так или иначе ведущей, по нашему мнению, к девитализации общества в целом.

В понимании современных исследователей массовое общество – это совокупность индивидов, связанных не органическими, духовными (как это происходит в семье), а механистичными связями. Последние не только не помогают в обретении индивидом идентичности, а, наоборот, иногда даже мешают. Вступая в контакты, «человек-масса», отягощенный проблемами поиска и утверждения собственной идентичности, в массе лишь обменивается информацией, не подкрепляя ее интимными смысловыми значениями, не

избавляясь от ощущения одиночества. Отсутствие и не востребованность душевности превращают человек в аппарат-ретранслятор, вещь, еще больше усугубляя переживание одиночества, потери жизненной силы и активности.

Таким образом, по мнению российских ученых, именно массовая культура создает и воссоздает специфический образ жизни, который, раскалывая сознание на части «привлекательность иллюзий VS. отвратительность реальности», провоцирует разрастание социальных патологий (эскапизм, эгофугизм, топофобия) и подпитывает девитализацию личности и общества.

Как правило, российские философы и культурологи, приступая к изучению проблематики массовой культуры, в первую очередь оперируют авторитетным мнением Х. Ортеги-и-Гассета как философа, обозначившего тенденции развития общества и культуры в XX в. Но, при обращении исследователей к наследию Ортеги практически всегда остается без внимания одна очень интересная мысль испанского философа о процессе, поразившем западное общество в начале XX в. и имеющем непосредственное отношение к распространению массовой культуры и трансформации социума в «массовое». Речь идет о процессе *девитализации*, которым Ортега обозначил апонимичность, возникающую в социокультурной сфере при дисбалансе между высокой и массовой культурой.

В 1921 г. мир увидел работу Х. Ортеги-и-Гассета «España invertebrada» («Безхребетная Испания»), в которой и была высказана мысль, интересующая нас в контексте анализа массовой культуры. Ортега использует медицинский термин «девитализация» для обозначения негативного процесса, охватившего его родину. На испанском языке мысль философа о девитализации звучит так: «En lugar de que la colectividad, aspirando hacia los ejemplares, mejorase en cada generación el tipo del hombre español, lo ha ido desmedrando, y fue cada día más tosco, menos alerta, dueño de menores energías, entusiasmos y arrestos, hasta llegar a una pavorosa *desvitalización* (выделено нами. – Н.Д.)» [16. Т. 3. С.125].

Если обратиться к доступным для отечественных читателей переводам этой работы, то понятие «девитализация» в них отсутствует, а вариант этого положения выглядит следующим образом: «Вместо того, чтобы следовать примерам лучших и идти к совершенству, массовый человек обрек себя на окончательное вырождение. Испанцы отупели, утратили чувство ответственности, перестали испытывать какой бы то ни было энтузиазм. Распрощавшись с высокими душевными порывами, мы столкнулись лицом к лицу со своей полной деградацией» (см., напр., [17. С. 365]). Из приведенного фрагмента видно, что термин «девитализация» переводчиком был заменен словом «деградация» как обозначение перехода к состоянию упадка, понижения в ранге. Единственным переводом, в котором присутствует термин «девитализация», является вариант, предложенный А. Артемьевым, в статье которого окончание фразы звучит так: «...вместо того, чтобы стремиться к лучшему, массовый человек идет по пути девитализации» [18. С. 26].

Возвращаясь к понятию «девитализация», можно констатировать, что Ортега содержательно отождествлял его семантику с распространением «массовости» в социальном пространстве и четко очертил феномен девитализации как определенный спектр социальных патологий, несущих опустошительные последствия для общества. Культурная регрессия, утрата националь-

ной идентичности, забывчивость относительно истории, одиночество, распространение вируса апатии и равнодушия в отношении социальной жизни, возрастание агрессивности и насилия – все это было теми составляющими, которые скрывались под термином «девитализация» и одновременно раскрывали ее структуру и процесс. Еще одной причиной ракового разрастания социальной девитализации можно считать утрату источника жизненной энергии, в качестве которого выступает совокупность элементов «витальной силы»: диалогичность, способность к сопереживанию, поддержка и передача жизненных, социальных, этнокультурных традиций.

Поэтому, для того чтобы определить сущность и социокультурные последствия девитализации, необходимо данный феномен провести через социально-философский и культурологический анализ масскульта. Массовая культура и социальная девитализация коррелируют друг с другом по причине того, что они как явления возникли в один и тот же исторический период и в одинаковых условиях, подпитывая друг друга определенными качествами, смыслами, ориентирами. Кроме того, девитализация опирается и на продуцируемые масскультом ценности, точнее антиценности: страх, смерть, секс, как и «PR» телесности в «псевдо-культуре» [19]. Представленное исследование можно считать только первым шагом в направлении раскрытия феномена девитализации через мультидисциплинарное изучение массовой культуры. Для более глубокого выявления сущности феномена девитализации требуется научная систематизация теоретических наработок философии масскульта не только зарубежных, но и российских, а также украинских исследователей за два последних десятилетия после распада СССР. Ведь, по мнению К. Разлогова, несмотря на достижения гуманитарных наук, массовая культура продолжает оставаться самой большой загадкой.

Литература

1. Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М.: Наука, 1976. 304 с.
2. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по истории социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
3. Российская массовая культура конца XX века: [материалы круглого стола; 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург]. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 226 с. (Серия «Symposium». Вып. 15).
4. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против» / [автор. кол.: К.З. Акопян, А.В. Захаров, С.Я. Кагарлицкая и др.]; руков. проекта – Н.И. Киященко]. М.: Гуманитарий, 2003. 512 с.
5. Разлогов К.Э. Глобальная и/или массовая? // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 143–156.
6. Соколов Е.Г. Аналитика масскульта. СПб.: СП филос. общ-во, 2001. 280 с.
7. Шапинская Е. Массовая культура XX века: очерк теорий // Полигнозис. 2000. № 2(10). С. 77–96.
8. Биричевская О.Ю. Природа и социальные функции массовой культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: спец. 09.00.11 «Социальная философия». СПб., 2006. 30 с.
9. Костина А.В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: автореф. дис. ... д-ра культур.: 24.00.01 «Теория и история культуры». М., 2009. 38 с.
10. Лебедева В.Г. Истоки и становление массовой культуры в России (1860–1940): автореф. дис. ... д-ра культур.: 24.00.01 «Теория и история культуры». СПб., 2008. 52 с.

11. Суворов Н.Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма. СПб.: СПбГУКИ, 2004. 371 с.
12. Плотников А.В. Особенности формирования массовой культуры современного российского общества: автореф. дис. ... канд. культур.: 24.00.01 «Теория и история культуры». Ростов н/Д, 2006. 30 с.
13. Хмелевская Е.Н. Иррациональное в массовой культуре современной России: аспекты исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 «Теория и история культуры». Ростов н/Дону, 2010. 20 с.
14. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: УРСС, 2005. 350 с.
15. Шестаков В.П. Мифология XX века: критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. 224 с.: ил. [24] л. ил.
16. Ortega y Gasset J. España invertebrada // Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid: Revista de oxidente, 1966. Т. 3. P. 37–128.
17. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : сб. / [пер. с исп.]. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 269–370.
18. Артемьев А. Кризис европейской культуры рубежа XIX–XX вв. как детерминанта «нового искусства» в культурологической доктрине Х. Ортеги-и-Гассета // Грамота. 2012. № 2 (16): в 2 ч. Ч. I. С. 24–28.
19. Личковах В.А. «Псевдо» в культурі: PR тіла як «нібитологія» людського буття // Проблеми соціальної роботи: філософія, психологія, соціологія: збірник / Черніг. держ. технол. ун-т. Чернігів: Черніг. держ. технол. ун-т. 2013. № 1 (2). С. 38–41.

Donie Natalia E. National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, Ukraine)

DEVITALIZATION AS A SOCIETY'S EPIPHENOMENON OF MASS CULTURE

Keywords: devitalization, mass culture, mass, identity, life energy

Overgrowth of mass culture institutions in the everyday life of the society became one of the main consequences of post-Soviet countries that experienced a period of fundamental socio-cultural changes. Most modern Russian authors consider mass culture as a certain social and cultural phenomenon, with its characteristic only for the development trends. One important trend is the interdependence of mass culture on its carrier and the consumer - the mass. Anyway, but the mass culture was found guilty of that "mass-man" becomes a relay-unit that aggravates the experience of identity crisis, loneliness, loss of vitality and activity, that is all that constitutes "devitalization". The answer to the question: "Which place does devitalization occupy in the structure of mass culture, along with its other philosophical and hedonistic aspects?" has been presented in this article. In the context of the disclosure of the essence of the claimed concept, the author refers to the legacy of Jose Ortega y Gasset, Spanish philosopher, who introduced the concept of the above philosophical discourse. Ortega meaningfully identified semantics with the spread of "mass" in the social space, clearly outlined the epiphenomenon of devitalization as a defined range of social pathologies carrying devastating consequences for society. Cultural regression, forgetfulness of the history, solitude, spread of apathy and indifference virus with regard to social life, increasing of aggression and violence - it was all those components that were hiding under the term of "devitalization" and simultaneously opened its structure and process. Another reason for the cancer proliferation of devitalization can be considered a loss of vital energy source, which acts as a set of elements: dialogic, empathy, ability to support and transfer of life, social, ethnic and cultural traditions.

References

1. Zorkaya N.M. *Na rubezhe stoletiy. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 godov* [At the turn of the century. At the root of mass art in Russia in 1900–1910]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 304 p.
2. Reytblat A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istorii sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the history of sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p.
3. *Rossiyskaya massovaya kul'tura kontsa XX veka: (materialy kruglogo stola; 4 dekabrya 2001 g. Sankt-Peterburg)* [The Russian popular culture end of the 20th century (round table discuss-

- sion; December 4, 2001, St. Petersburg)]. St. Petersburg: St.Petersburg Philosophical Society Publ., 2001. 226 p.
4. Akopyan K.Z., Zakharov A.V., Kagarlitskaya S.Ya. et al. *Massovaya kul'tura i massovoe iskusstvo. "Za" i "protiv"* [Mass culture and popular art. "For" and "against"]. Moscow: Gumanitarniy Publ., 2003. 512 p.
 5. Razlogov K.E. Global'naya i/ili massovaya? [Global and / or mass?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2003, no. 2, pp. 143–156.
 6. Sokolov E.G. *Analitika masskul'ta* [Analytics of mass culture]. St. Petersburg: St.Petersburg Philosophical Society Publ., 2001. 280 p.
 7. Shapinskaya E. Massovaya kul'tura KhKh veka: ocherk teorii [Mass culture of the twentieth century: Essays on the theory]. *Polignozis*, 2000, no. 2(10), pp. 77–96.
 8. Birichevskaya O.Yu. *Priroda i sotsial'nye funktsii massovoy kul'tury*: avtoref. dis. d-ra filos. nauk [Nature and social functions of mass culture. Abstract of Philosophy Doc. Diss.]. St. Petersburg, 2006. 30 p.
 9. Kostina A.V. *Sootnoshenie i vzaimodeystvie traditsionnoy, elitarnoy i massovoy kul'tur v sotsial'nom prostranstve sovremennosti*: avtoref. dis. d-ra kul'tur [Relationship and interaction between traditional, elitist and popular culture in the social space of modernity. Abstract of Philosophy Doc. Diss.]. Moscow, 2009. 38 p.
 10. Lebedeva V.G. *Istoki i stanovlenie massovoy kul'tury v Rossii (1860–1940)*: avtoref. dis. d-ra kul'tur [Origins and formation of mass culture in Russia (1860-1940). Abstract of Philosophy Doc. Diss.]. St. Petersburg, 2008. 52 p.
 11. Suvorov N.N. *Elitarnoe i massovoe soznanie v kul'ture postmodernizma* [Elite and mass consciousness in the culture of postmodernism]. St. Petersburg: SPbGUKI Publ., 2004. 371 p.
 12. Plotnikov A.V. *Osobennosti formirovaniya massovoy kul'tury sovremennogo rossiyskogo obshchestva*: avtoref. dis. kand. kul'tur. [Features of formation of mass culture of modern Russian society. Abstract of Culturology Cand. Diss.]. Rostov n/D, 2006. 30 p.
 13. Khmelevskaya E.N. *Irratsional'noe v massovoy kul'ture sovremennoy Rossii: aspekty issledovaniya*: avtoref. dis. kand. filos. nauk [Irrational in the popular culture of modern Russia: aspects of research. Abstract of Philosophy Cand. Diss.]. Rostov n/Donu, 2010. 20 p.
 14. Kostina A.V. *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of the post-industrial society]. Moscow: URSS Publ., 2005. 350 p.
 15. Shestakov V.P. *Mifologiya XX veka: kritika teorii i praktiki burzhuaiznoy "massovoy kul'tury"* [The mythology of the twentieth century: the criticism of the theory and practice of bourgeois "mass culture"]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1988. 224 p.
 16. Ortega y Gasset J. *Obras completes*. Madrid: Revista de oxidente, 1966, vol. 3, pp. 37–128.
 17. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Translated from Spanich. Moscow: AST Publ., 2002, pp. 269–370.
 18. Artem'ev A. Krizis evropeyskoy kul'tury rubezha XIX–XX vv. kak determinanta "novogo iskusstva" v kul'turologicheskoy doktrine Kh. Ortegi-i-Gasseta [The crisis of European culture in the 19th-20th century as a determinant of "new art" in a cultural doctrine of Jose Ortega-y-Gasset]. *Gramota*, 2012, no. 2 (16). Pt. I, pp. 24–28.
 19. Lichkovakh V.A. "Psevd" v kul'turi: PR tila yak "nibitologiya" lyuds'kogo buttya ["Name" in culture: PR body as "nibytolohiya" of the human being]. *Problemi sotsial'noi roboti: filosofiya, psikhologiya, sotsiologiya – Problems of social work: philosophy, psychology, sociology*, 2013. no. 1 (2), pp. 38–41. (In Ukrainian).